
КАК ИЗ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ РАЗДУЛИ ПУЗЫРЬ

Е.В. БАЛАЦКИЙ

<http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/266318>

Как шел процесс реформирования российской сферы высшего образования? Почему надулся «образовательный пузырь»? Как был спровоцирован коллапс отрасли? Какие основные управленческие ошибки были допущены в ходе реформ?

Ключевые слова: высшее образование, ошибки управления.

Сегодня есть все основания полагать, что сфера высшего образования входит в новую фазу своего существования. Это обстоятельство представляет собой определенную угрозу, в связи с чем порождает повышенный интерес со стороны научного сообщества. Рассмотрению изменений системы высшего образования (СВО) посвящена обширная литература. Например, Т.Л. Клячко делает экскурс по инновациям СВО России и дает характеристику поведенческих моделей потребителей под воздействием указанных инноваций [21]. В частности, автор отмечает такой признак образовательного пузыря, как превышение числа лиц, принятых в вузы, над числом лиц, окончивших школу; данный признак стал в полной мере проявляться уже в 2000 г.

М.К. Горшков и Г.А. Ключарев сделали попытку оценить различные элементы модернизации СВО в контексте мнения разных групп экспертов – чиновников, администраторов вузов, общественности, журналистов и пр. Как оказывается, все основные проблемы, связанные с реформированием СВО, были абсолютно предсказуемы [11]. Однако на определенном этапе диалог между властью и экспертами стал сворачиваться. Данный процесс приводит к отрыву реформ от реальных нужд общества, порожд-

дая феномен гиперрегулирования, становление которого раскрывается в работе [7]. Некоторые нерациональные решения Министерства образования и науки (МОН) РФ по мониторингу вузов были раскрыты и озвучены в широкой прессе М.М.Соколовым [38, 42].

Несмотря на все сложности и неоднозначности реформы СВО, финансирование вузов за последние годы заметно улучшилось. Об этом, в частности, свидетельствует обширное исследование [35]. Согласно другим исследованиям ситуация в сфере высшего образования в последние 20 лет улучшилась, а преподаватели в подавляющем большинстве перестали воспринимать свою работу в качестве постоянного источника стресса и напряжения [36]. Однако в любом случае до сих пор отсутствует масштабный взгляд на ход реформы СВО в контексте всех предыдущих лет – начиная с 1991 г. Нехватка подобных исследований становится особенно ощутима в силу того факта, что за прошедшие годы сами реформы радикально изменились и поменяли направление действия. Ликвидации узаконного аналитического пробела и посвящена данная статья.

Особо отметим следующее обстоятельство – российские реформы СВО беспрецедентны по масштабу и изощренности. В этом смысле их аналоги искать бесполезно. Вместе с тем во всех странах мира стремительно нарастают проблемы с функционированием университетского сектора. Например, в англосаксонской модели постепенно умирает институт постоянного (пожизненного) найма. Так, согласно данным Дж. Шустер и М. Финкельштейн, с 1969 по 1998 г. число американских профессоров, занимающих постоянные позиции, уменьшилось в 2 раза, тогда как число преподавателей, занимающих временные позиции, не подразумевающие возможности перехода на постоянные, увеличилось в 7 раз [46]. Н. Барнс и С.О'Хара фиксируют аналогичный тренд для британских университетов [45]. Тем самым администрация вузов пытается переложить системные проблемы университетов на профессоров с параллельным подрывом их творческой мотивации. В 2013 г. похожие процессы начали развиваться и в России, где все активнее внедряется система краткосрочных контрактов (на 1 год). Некоторые отечественные экономисты пытаются предлагать альтернативные, стимулирующие системы найма университетских профессоров [37].

Подпадают под новые тренды и европейские государства. Так, реформы немецкой СВО в целом носят корректирующий характер за исключением «Инициативы по выделению элитных вузов», которая впервые фактически легализует факт неравенства университетов Германии [33]. Эта мера опять-таки сильно напоминает программу российского правительства по вхождению пяти вузов в топ-100 глобальных рейтингов университетов.

В целом же реформы в западных вузах направлены не на централизованные действия регулятора, а на изыскание резервов во внутрикорпоративном управлении самих вузов. Для этого Б. Кларком была создана даже специальная теория постоянных изменений [19]. И здесь имеет большое значение учет исторических традиций в конфигурировании СВО, которым посвящена монография [20]. Коммерческие соблазны для университетов могут быть очень опасны, ибо влекут за собой разрушение академических традиций [8]. Многие российские вузы уже попали в пресловутую ловушку коммерциализации.

Большой потенциал в реформировании вузовского сектора несет в себе система дистанционного обучения (ДО). Некоторые аналитики утверждают, что мы находимся накануне настоящей революции в сфере образования [44]. Даже в России уже есть первые примеры внедрения дистанционных технологий обучения.

Цель настоящего исследования состоит в показе того, что многих проблем, которые возникли сегодня у российских вузов, можно было избежать или, по крайней мере, они могли быть существенно ослаблены. Новизна работы заключается в том, что в ней показаны два принципиально разных исторических этапа регулирования СВО – *дерегулирование*, которое привело к надуванию образовательного пузыря (ОП) и к формированию «кадрового навеса» отрасли, и *гиперрегулирование*, которое спровоцировало обвальное высвобождение кадров из вузов. Если для первого был характерен дефицит регулирующих действий, то для второго – избыток активности регулятора. Результат и в том, и в другом случае оказался неудовлетворительным.

Для проводимого отраслевого анализа целесообразно рассматривать две разновидности регулятора. Первый – *макрорегулятор*, представленный МОиН РФ и федеральными службами контроля в сфере образования, второй – *мегарегулятор*, представленный Администрацией Президента РФ и Аппаратом Правительства РФ. Подчеркнем, что в статье проведен ретроспективный анализ происходящих процессов; нормативные установки и рекомендации по дальнейшему проектированию реформ в задачи автора не входят.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ: ГЕНЕЗИС, СПЕЦИФИКА, ПОСЛЕДСТВИЯ

По всей видимости, 2014 г. можно считать во многих отношениях переломным периодом в жизни сферы высшего образования России. Именно в этот год началось обвальное и, на первый взгляд, беспричинное высвобождение кадров из российских вузов. Масштаб начавшихся процессов оказался таким, что можно смело говорить о кризисе отрасли. Почему

же он возник? Каковы его причины? Можно ли было его избежать? Был он стихийным или рукотворным? Ниже мы попытаемся последовательно ответить на поставленные вопросы с акцентом на тех регулятивных ошибках, которые были допущены в ходе реформы отрасли, начиная с момента распада СССР.

Исходным пунктом нашего анализа является тот образовательный пузырь (ОП), который в настоящее время стремительно сдувается. Под ОП мы понимаем колоссальное расширение отрасли за 17 лет экономических реформ в стране – с 1990–1991 по 2007–2008 гг. Так, с 1990 по 2008 г. число вузов увеличилось в 2,2 раза, а численность студентов – в 2,7 раза. Параллельно увеличилась численность профессорско-преподавательского состава (ППС) вузов – в 1,9 раза. Данный пузырь хорошо виден в табл. 2, из которой явствует, что кадровый пик отрасли пришелся на 2007 г. При этом частный и государственный сектора развивались не совсем синхронно: если первый приостановил свое расширение в 2008 г., то второй – только в 2010-м.

Таблица 1

Динамика численности ППС российских вузов

Годы	Численность ППС, тыс. чел.			Процент к 2007 г.
	В государственных вузах	В негосударственных вузах	Всего	
1990–1991	219,7	0,0	219,7	52,4
2007–2008	340,4	78,8	419,2	100,0
2008–2009	341,1	63,5	404,6	96,4
2009–2010	342,7	35,1	377,8	90,1
2010–2011	324,8	32,0	356,8	85,1
2011–2012	319,0	29,2	348,2	83,1
2012–2013	312,8	29,2	342,0	81,6

Рассчитано автором на основе официальных данных Росстата.

Насколько нормальным или, наоборот, ненормальным является такое развитие отрасли высшего образования?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо проанализировать тот фон, на котором разворачивалось расширение сферы высшей школы (табл.2). Как оказывается, подобная динамика должна быть признана как аномальная. Во-первых, раздувание штата ППС почти 4-процентным среднегодовым темпом на протяжении 17 лет подряд неизбежно должно было привести к перегреву отрасли. Столь мощное и длительное расширение отрасли никак не может считаться нормой и должно квалифицироваться как «пузырь». Во-вторых, почти 2-кратное расширение персонала отрасли является опять-таки чрезмерным. Практика макроэкономиче-

ских исследований говорит о том, что любые кратные (более чем в 2 раза) изменения свидетельствуют о качественной трансформации режима развития. В данном случае отрасль по показателю численности ППС приблизилась к указанной критической отметке, а по показателям числа вузов и численности студентов – превысила ее. Тем самым высшая школа за рассматриваемые 17–18 лет шагнула в принципиально другой мир, к которому была совершенно не готова. В-третьих, расширение университетского сектора протекало на неадекватном кадровом фоне. Так, высокие положительные темпы роста ППС резко контрастировали с режимом уменьшения населения страны, занятости и численности школьников, за счет которых пополнялся студенческий контингент вузов. Тем самым развитие сферы высшего образования шло в разрез с макроэкономическими трендами, свидетельствуя об отрыве отрасли от нужд, возможностей и потребностей страны. В этом смысле можно констатировать, что ОП не имел под собой объективной основы.

Таблица 2

Изменения кадровых показателей России в 1990–2007 гг.

Показатель	Общий темп, %	Среднегодовой темп, %
Численность ППС	+90,8	+3,9
Численность занятых в экономике	–5,9	–0,4
Численность населения	–3,3	–0,2
Численность учащихся в общеобразовательных организациях	–32,4	–2,3

Рассчитано автором на основе официальных данных Росстата.

Сказанное подводит к пониманию того, что подобное развитие событий с неизбежностью вело к развороту тренда с соответствующим охлаждением отрасли. Расчеты показывают, что начавшееся уменьшение ППС в 2007–2012 гг. привело к его сокращению на 18,4%, что соответствовало среднегодовому падению на –4,0%. Этот темп был немного выше темпа расширения предыдущего периода (табл. 2), что позволяет говорить об ускоренном сокращении отрасли по сравнению с режимом расширения. Тем самым налицо признаки катастрофичности начавшейся рецессии. Следовательно, кризис системы высшего образования, окончательно обнажившийся в 2014 г., был предопределен всей предысторией надувания соответствующего отраслевого пузыря.

Если же рассматривать генезис образовательного пузыря, то следует признать его рукотворный характер. Раздувание высшей школы было напрямую спровоцировано макрорегулятором – МОН РФ, которое в начале 90-х гг. приняло, на наш взгляд, ошибочную политику, основанную на примитивной идее рыночного равновесия. Согласно этой доктрине суще-

ствуют спрос на высшее образование и предложение соответствующих услуг, а рыночные взаимодействия должны привести к уравниванию этих агрегатов с соответствующей платой за обучение. В связи с этим было разрешено частное образование, а государственным вузам дано право осуществлять коммерческие наборы на платной основе. При этом вузы получили большую свободу в открытии новых кафедр, факультетов, специальностей и специализаций. В результате страна за несколько лет оказалась «завалена» экономистами, юристами, социологами, финансистами, менеджерами и прочими «социальщиками», а государственные вузы стали работать в условиях 2-канального финансирования. На первый взгляд, такой подход кажется вполне оправданным и разумным, однако это не совсем так.

Ошибка данного подхода заключается в том, что в начале 90-х гг. вся реальная экономика страны была разрушена, а потому никаких сигналов с ее стороны система образования получить не могла. Первоначальный дефицит специалистов социального профиля был ликвидирован, и все вузы оказались в состоянии информационного вакуума, будучи абсолютно дезориентированными в отношении того, кого следует готовить. В таком же состоянии оказались и сами абитуриенты, которые не понимали будущего и не знали, какую специальность им получать. Фактически полуразрушенная экономика привела к разрушению сферы высшего образования. Отказ от плановой системы производства привел к уничтожению планов по подготовке специалистов, а в такой системе эффективное образование просто невозможно. С этого момента российское образование становится преимущественно виртуальным, т.е. оторванным от реальных потребностей национальной экономики.

Второе следствие *либерализации системы образования* состояло в том, что в отсутствие каких-либо ограничений в отношении вузов рано или поздно должно было возникнуть рыночное равновесие, когда все желающие получить высшее образование могли его получить; разница была лишь в его качестве, цене и престижности. Это вело к укоренению *синдрома всеобщего высшего образования*. Расчеты показывают, что Россия за прошедшие годы стала рекордсменом по числу студентов на душу населения. Например, в 2007–2009 гг. в России насчитывалось 52 студента на 1000 человек населения. Это эквивалентно уровню Австралии и чуть меньше уровня Новой Зеландии (58) и США (59). Такие же государства, как Великобритания (39), Франция (36), Швейцария (28) и Япония (28), существенно отстают от России – в 1,3–1,9 раза [2]. Если же учесть тот факт, что в Австралии и США доля иностранных студентов составляет около 20%, а в России эта величина пренебрежимо мала (не более 4%), то Россия (50,4) по обеспеченности внутреннего спроса обгоняет и эти стра-

ны (41,6 и 47,2) примерно на 21 и 7% соответственно. Такой масштаб подготовки кадров даже теоретически не мог сопровождаться ростом качества образования. Неудивительно, что в отрасли реализовывались два разнонаправленных тренда – количественный рост образования и снижение его качества. Иными словами, в стране закрепилось массовое и некачественное образование и почти полностью исчезло элитное и качественное.

Между тем рассмотренная система имела еще один серьезный изъян. Дело в том, что почти абсолютная доступность высшего образования означает *разрушение системы рациионирования* абитуриентов и студентов, когда в вузы принимаются не все претенденты, а только лучшие; аналогично и учатся лишь те студенты, которые соответствуют установленным довольно высоким требованиям. Отсутствие рациионирования приводит к *эрозии ценности дипломов*, а вместе с этим и к проблемам на рынке труда. Отныне работодатель уже не может по диплому даже примерно определить, чего можно ожидать от его обладателя. Рынок образования стал работать по простой схеме: более способные и обеспеченные абитуриенты поступали в солидные и престижные вузы, менее способные и бедные – в периферийные институты. При этом на платной основе можно было учиться по-разному – на дневной, вечерней и заочной формах обучения. Однако, создав рынок вузов, регулятор сохранил институт *диплома государственного образца* – все аккредитованные вузы выдавали сертификаты, которые одинаково признавались государством, а потому их различие было весьма условным. В отсутствие объективных рейтингов вузов и рынка их репутации различия в дипломе имели второстепенное значение, ведя к своеобразной уравниловке.

Одновременно возникли многочисленные злоупотребления в форме коррупции. Доступность и платность образования вызвали к жизни экзотические и очень опасные явления. Появился такой феномен, как диссертационная ловушка, когда ученые степени и звания можно было получать либо за деньги, либо с помощью административного ресурса (Балацкий, 2005). Снижение качества образования стало тотальным и вопиющим; об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные случаи летальных случаев по причине некавалифицированной помощи врачей.

Прямым результатом образовательного пузыря стал *финансовый кризис* отрасли. Например, доля государственных затрат на высшее образование в ВВП для Франции составляет 5,6%, а для России – 4,1%. Однако при пересчете на показатель обеспеченности населения студентами Франция финансирует свою высшую школу почти в 2 раза лучше России ($[5,6:36]/[4,1:52]=1,97$) [2]. Чтобы финансирование российской высшей школы соответствовало французскому стандарту, надо увеличить долю ВВП, затрачиваемую на образование, до 8%. Такая цифра для России на-

ходится за пределами возможного. Не удивительно, что в таких условиях шло неуклонное снижение зарплаток ППС российских вузов. Так, в период 2005–2010 гг. отношение зарплаток в сфере образования к средним по стране находилось в пределах 63–71%; в 2000 г. этот показатель достиг минимальной отметки – 56%. В результате таких процессов Россия стала, пожалуй, единственной страной в мире, где зарплатки университетского профессора были в 2–3 раза меньше зарплаток школьного учителя; по крайней мере, в Москве такая ситуация устойчиво сохранялась на протяжении 2008–2014 гг. К 2014 г. произошло окончательное исчезновение нематериальных элементов *академической ренты*, что сделало работу в вузах непривлекательной и бесперспективной [3]. Такое положение дел привело к кадровой деградации отрасли – кто мог, ушел в другие сектора экономики, а кто остался, тот лишь делал вид, что работает. Возникшая патовая ситуация, длящаяся годами, просто не могла не сказаться на качестве образовательных услуг.

У рассматриваемого ОП была еще одна особенность – он носил сугубо *виртуальный* (имитационный) характер с точки зрения экономических результатов. Иными словами, он представлял собой *гигантский симулякр* в том смысле, который в данное понятие вкладывал Ж. Бодрийяр, т.е. это изображение без оригинала, репрезентация чего-то, что на самом деле не существует. В данном случае процесс *получения образования* был массовым образом заменен на процесс *торговли дипломами*. При этом государство подспудно стимулировало данное искажение, вводя различные ограничения на занятие должностей. Причем это касалось как государственных организаций, так и частного сектора. Например, в государственной корпорации «Роснано» почти все низовые должности занимают люди с двумя высшими образованиями – техническим и экономическим; это фактически официальное требование руководства. Классическим примером распространения идеологии образовательного симулякра в частном секторе может служить случай, когда руководство сети фитнес-центров требовало от руководителей этих центров помимо специального спортивного образования еще и высшее управленческое образование. В результате таких действий в стране сложился уникальный *синдром коллекционирования дипломов*, когда многие люди получали по 2, 3, а то и 4 высших образования, что поддерживало сформировавшийся ОП.

Принципиальное отличие ОП от похожих явлений заключается в отсутствии создания каких-либо *ценностей*. Например, ипотечный пузырь предполагает чрезмерное строительство недвижимости, которая не может быть продана по разумным ценам. Однако здесь даже после того, как пузырь лопается, остаются материальные объекты, обладающие реальной стоимостью. Другой пример из сферы услуг – доткомовский пузырь.

Однако и в этом случае переоцененные IT-компании, несмотря ни на что, создавали реальный программный продукт, который решал конкретные производственные задачи. В случае же ОП не было даже этого – люди, не получая реальных знаний, приобретали лишь сертификаты о наличии таковых. В результате при сдувании ОП в экономике не остается ничего – ни произведенных товаров, ни оказанных услуг. В этом смысле можно констатировать, что в сформировавшемся ОП была заложена большая разрушительная сила.

ПЕРИОД УСИЛЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

Если анализировать динамику ОП, то в ней просматривается два этапа. Первый связан с *политикой дерегулирования* отрасли, под которой лежала идеология рыночного равновесия. Однако примерно с 2004 г. стала неясно просматриваться более целенаправленная линия по поддержке университетов. Фактически в это время было принято решение о переходе к университетской модели развития науки, которая предполагала снижение роли отраслевых и академических институтов. Однако свою зрелую артикуляцию данная позиция получила лишь в 2009 г., когда была опубликована в журнале «Эксперт» статья [42], в которой авторы попытались доказать, что университетский сектор российской науки эффективнее академического сектора. Многие факты позволяют говорить, что данная работа явилась не обоснованием новой политики, а запоздалым *идеологическим оправданием* той политики, которая уже де факто велась на протяжении нескольких лет. Не случайным выглядит и тот факт, что одним из авторов статьи оказался будущий глава МОН РФ Д.В. Ливанов.

Примечательно, что в 2010 г. Правительством РФ было принято три постановления – № 218–220 [29–31]. Эти документы, определяющие выделяемые вузам финансы, фактически окончательно закрепили тот факт, что российская наука должна осуществляться преимущественно в университетском секторе. Именно этот год можно считать началом второго этапа в динамике ОП, когда правительство предпринимало отчаянные меры по поддержке коллапсирующей отрасли. В этот период политика обрела ярко выраженную идеологическую направленность, а все регулирующие воздействия были заранее продуманными. С 2012 г. Д.В. Ливанов уже в качестве федерального министра активно занимался дальнейшим реформированием непомерно разросшегося вузовского сектора страны.

Следует указать на одну особенность реализации университетской модели науки (УМН) в России. Она состоит в том, что вузы оказались в *приоритете* откровенно *за счет* остальных форм науки – академических и отраслевых (ведомственных) институтов. Например, уже в начале 2000-х гг. просматривалась тенденция, когда подведомственные инсти-

туты от своих головных министерств получали минимальное финансирование по сравнению с «чужими» вузами. Более того, многим подведомственным институтам было запрещено участвовать в конкурсах НИР, проводимых министерствами, которым они подчинялись. В результате львиную долю научных бюджетов, например МОН РФ и Министерства экономического развития (МЭР) РФ, получали не обслуживающие их ведомственные институты, а университеты, которые к тому времени имели мощное лобби в правительственных кругах.

Еще более показательным является противопоставление российскими властями вузов и РАН. Выстраивая в стране УМН, правительственные чиновники решили если и не полностью ликвидировать РАН, то, по крайней мер, максимально ослабить ее. Наверное, последний удар по академии был нанесен Федеральным законом № 253-ФЗ [41]. Эксперты считают, что этим документом завершилось почти двадцатилетнее противостояние МОН РФ и РАН [27]. При этом многие аналитики сходятся во мнении, что главная причина санкций в отношении РАН состояла в оппонировании академическим сообществом правительству и проявлении своей политической и идейной самостоятельности [27]. Такое поведение плохо вписывалось в строительство жесткой властной вертикали. На этом фоне вузы были гораздо более предпочтительной формой организации науки, так как весь ректорский корпус государственных вузов был полностью подчинен и подотчетен МОН РФ. В этом смысле университеты представляли собой более управляемые организации, которые по своему статусу были изначально подчинены либо непосредственно правительству страны, либо какому-либо правительственному ведомству. Иными словами, *вузы изначально были встроены в правительственную вертикаль*, а потому были более лояльны ко всем действиям властей. Таким образом, поддержание ОП осуществлялось посредством жесткой политической акции, направленной на *подавление всех альтернатив университетской науки*.

Нельзя не отметить и того факта, что в научных и публицистических изданиях была основательно раскритикована УМН. Например, в серии работ А.Е. Варшавского был опровергнут тезис о неэффективности РАН по сравнению как с аналогичными зарубежными академиями, так и с отечественными вузами [9, 10, 15]. В ряде публикаций было убедительно показано, что даже в США университетский сектор не является ведущим (главным) элементом национальной научной системы [16], следовательно, попытки копирования передового опыта являются изначально ошибочными. Были вскрыты и поразительные ошибки в статистике науки [9]. Некоторые исследователи проявляли озабоченность в отношении того, что галопирующая динамика структурных показателей вузовского

сектора российской науки, особенно в 2010–2011 гг., имела явные признаки надувающегося пузыря, ущерб от которого может стать отнюдь не локальным [13]. Были высказаны различные конструктивные предложения по поводу создания университетов на базе академических институтов [28], а также по поводу разумной специализации между вузами страны [17]. Однако ко всем этим фактам и предложениям власти страны остались равнодушными. Складывается впечатление, что регулятор просто не желает выслушивать никакие аргументы в пользу альтернативной политики. Тем самым можно утверждать, что ОП действительно имел под собой в основном чисто идеологическую основу.

Для иллюстрации масштаба и характера *теневых процессов*, вызванных ОП, приведем три примера, не указывая имен персон и названий организаций.

Первый случай – региональная «фабрика дипломов». Комиссия МОН РФ, приехавшая инспектировать частный вуз в Северо-Кавказском федеральном округе, обнаружила, что он располагается в здании детского сада. При этом в рабочее время во всем здании была обнаружена только одна комната, в которой велись занятия для группы из шести человек; больше никаких учащихся и преподавателей зафиксировано не было. Однако в данном вузе официально обучалось 15 тыс. студентов. При попытке написать объективный отчет о выявленных нарушениях председатель комиссии был «обработан» разными людьми, которые ему объяснили, что ректором данного вуза является родная сестра прокурора области. Тем самым областная прокуратура «крышевала» образовательный бизнес, заключавшийся в откровенной торговле дипломами. Понятно, что рентабельность подобного бизнеса была фантастической, ибо производственные затраты сводились к минимуму.

Второй случай – симбиоз частных и государственных вузов. Ректор одного из московских государственных университетов создал свой собственный частный вуз. При этом в частном вузе специальности были такие же, как в государственном вузе; программы одинаковых специальностей в двух вузах были абсолютно идентичны, ибо они были просто скопированы из государственного вуза. Далее осуществлялся коммерческий набор студентов в частный вуз, в котором обучение не велось, а все дисциплины засчитывались в зависимости от суммы вносимых платежей. После 4-летнего пребывания в частном вузе студенты переводились в государственный вуз, в котором все дисциплины им автоматически засчитывались; последний год они доучивались в вузе, окончание которого давало им право на получение диплома государственного образца довольно престижного университета. (Речь идет о специалитете, где обучение длилось 5 лет. Для бакалавриата период пребывания в частном

вузе сокращается до 3 лет). Частный вуз, выполнив на протяжении 4 лет свою коммерческую миссию, закрылся, так и не пройдя государственную аккредитацию. Гарантом всех переводов из вуза в вуз выступал ректор, который полностью контролировал обе стороны процесса. Рентабельность подобной операции зашкаливает за все разумные пределы, ибо затраты на поддержание учебного процесса просто отсутствовали. Главная трудность данного бизнеса состояла в четкой логистике процесса – период работы ректора в двух вузах должен совпадать и находиться внутри 5-летнего срока ректорства в государственном вузе.

Третий случай – преодоление фактора ЕГЭ. К ректору московского государственного вуза обращалось множество людей, чьи дети по разным причинам не смогли сдать ЕГЭ (в основном это полное отсутствие каких-либо знаний). Такие выпускники школ не имели права на зачисление в вуз. Однако решение было найдено – подобные выпускники зачислялись не на первый курс, который предполагает наличие ЕГЭ, а переводом на второй, который наличие ЕГЭ уже не предусматривает. В течение учебы таких клиентов постоянно «прикрывал» ректорат, обеспечивая им сдачу необходимых экзаменов. После окончания вуза клиент получал диплом, в котором указывались годы его обучения (например, четыре вместо пяти при обучении на специалитете). Этот факт ровным счетом никто не замечал. Если же кто-то и мог поинтересоваться, почему имеется несовпадение, то ответ был простым – первый год учился в другом вузе. Однако при этом диплом о высшем образовании человек получал, и формально все нормы были выполнены. Все возможные правовые коллизии с таким дипломом сбрасывались на держателя диплома. При необходимости выпускник мог получить и «полный» диплом, в котором фигурировала полная дата обучения (пять лет для специалитета). Однако в этом случае цена подобной услуги возрастала, а администрация вуза шла на подлог документов. Эта разновидность бизнеса была менее «чистой», но также вполне успешно использовалась на практике. Рентабельность такой коммерции довольно высока, но трудоемкость немного выше.

Все приведенные примеры иллюстрируют афоризм проф. С.А. Толкачёва: «Сегодня студенты платят не за то, чтобы учиться, а за то, чтобы НЕ учиться». Тем самым можно констатировать состоявшуюся аномальную инверсию исходных учебных установок студентов.

КОЛЛАПС-2014: МАСШТАБЫ, ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Осознание правительством страны того, что с надувшимся ОП оно уже не в состоянии справиться, привело к установке на так называемую оптимизацию российских вузов. Эта установка проводилась в два этапа. Первый можно назвать *периодом слияний* вузов. Наверное, начало дан-

ного этапа можно условно датировать 2010 г., когда произошли наиболее яркие, масштабные и резонансные слияния и поглощения вузов; в последующие 2–3 года этот процесс продолжался. Идеологическим оправданием начатой политики можно считать выступление «отца образовательных реформ» Я.И. Кузьмина в 2010 г., когда он недвусмысленно высказался за необходимость слияния неэффективных вузов [22]. В 2012 г. данный тезис уже прозвучал из уст премьер-министра страны Д.А. Медведева: «У нас, конечно, много университетов для нашей небольшой страны. Их количество должно естественным путем уменьшаться в результате создания на базе существующих университетов крупных университетских комплексов» [43]. Дополнением к этому тезису служит следующее мнение премьера: «Улучшить ситуацию в образовании в целом по стране можно только путем создания крупных университетских центров» [43]. Таким образом, был взят курс на укрупнение вузов, который параллельно должен был позволить сократить численность их персонала.

Политика укрупнения вузов была лишь первичным способом их рационализации. Фактически было принято решение о создании национальных вузов-чемпионов, которые котировались бы на международной арене. Остальные вузы должны были получать поддержку по остаточному принципу. В Указе Президента РФ № 599 от 07.05.2012 были намечены амбициозные задачи [40]: вхождение к 2020 г. не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов; увеличение к 2015 г. доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Web of Science» (WoS), до 2,44%.

Однако уже в 2012 г. становится ясно, что оптимизация вузов – это лишь некий организационный фон; сама по себе политика слияний и поглощений проблему ОП не решает. А потому назначенный в 2012 г. новым главой МОН РФ Д.В. Ливанов подтвердил, что министерство проведет мониторинг всей сети государственных вузов, после чего вузы с низким качеством образования будут закрыты. При этом речь шла о государственных вузах, за счет которых можно будет уменьшить государственные расходы. По мнению Д.А. Медведева и Д.В. Ливанова, за счет предполагаемого укрупнения вузов должна быть улучшена материальная база оставшихся университетов [43].

Примечательно, что Д.В. Ливанов еще накануне вступления в должность министра заявил о необходимости вдвое сократить количество бюджетных мест в вузах. По его мнению, это поможет повысить качество образования и отсеять студентов, которые учатся лишь «для галочки». В ответ на такую позицию были выдвинуты контраргументы. Например,

сегодня в России на бюджетной основе учится около 40% студентов, тогда как в Германии – более 90%, во Франции – более 80%. Если следовать логике Д.В. Ливанова, то в России число бюджетников должно быть сокращено до 20% [43]. Однако министр в этом видел не проблему, а стимул развития: «Как только мы уйдем от всеобщего бесплатного высшего образования, появятся механизмы, которые помогут привлечь на предприятия ценные кадры. Например, образовательный кредит. Если хорошее образование будет стоить дорого и человек вынужден за него платить, он сможет взять кредит, а будущий работодатель в обмен на обязательства погасит его» [43].

В это же время позиция властей получает мощную поддержку и апологику по разным каналам. Например, полномочный представитель президента в Уральском федеральном округе И. Холманских на встрече с региональной ячейкой движения «В защиту человека труда» в Новом Уренгое говорил о том, что возникший избыток кадров с высшим образованием никакая экономика выдержать не может, высшее образование – благо, но стране нужны люди рабочих специальностей. По его мнению, родители должны понимать нормальность ситуации, когда их ребенок не получает высшее образование за деньги, а идет работать туда, где работали его предки. Похожую позицию озвучил и губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Д. Кобылкин, заявив, что регион в ближайшее время будет нуждаться в рабочих определенных специальностей, а не в выпускниках вузов. «Мы не обманываем родителей и говорим о том, что нам в ближайшее время не нужно такое количество детей с высшим образованием», – предупредил он [43].

Второй этап оптимизации вузов можно назвать *периодом рестрикций*, а датировать его можно 2013 г., когда министр Д.В. Ливанов на очередной встрече с ректорским корпусом четко обозначил проблему 30-процентного сокращения персонала вузов. Серьезность этой установки была выражена категоричной фразой министра: «Мы это все равно сделаем – с вами или без вас». В этот момент федеральная власть дала понять ректорам вузов, что у них нет свободы маневра, и они должны исполнить поставленную перед ними задачу; в противном случае они будут заменены на более послушных администраторов.

Инструментами проведения политики сокращения персонала вузов выступили *контрольные индикаторы* (целевые показатели), которых к 2014 г. насчитывалось восемь (7+1). Недотягивание вуза до пороговых значений контрольных индикаторов означает его неэффективность по данной позиции. В 2013 г. начался мониторинг вузов по пяти показателям, впоследствии их число возросло до шести, а потом – до семи. Оценка шла по следующим критериям: 1. Образовательная деятельность

(средний балл ЕГЭ студентов, принятых на очную форму обучения по программам бакалавриата и специалитета (средневзвешенное значение)); 2. Научно-исследовательская деятельность (объем НИОКР в расчёте на одного научно-педагогического работника (НПР)); 3. Международная деятельность (удельный вес численности иностранных студентов, завершивших обучение, в общем выпуске студентов (приведённый контингент)); 4. Финансово-экономическая деятельность (доходы вуза из всех источников в расчете на одного НПР); 5. Инфраструктура (общая площадь учебно-лабораторных зданий вуза в расчете на одного студента (приведенного контингента)) [25]; 6. Уровень безработицы среди выпускников (доля выпускников вуза последнего года выпуска, обратившихся за истекший год в службу занятости в поисках трудоустройства); 7. Приведенный (минимальный) контингент студентов (только для филиалов вузов) (численность приведенного контингента студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры). Критерием неэффективности для вузов было наличие четырех показателей, величина которых не превышает порогового значения.

В научной литературе и СМИ широко обсуждался вопрос о корректности внедренной системы индикаторов. В частности, было показано, что практически все централизованные нормативы являются *ресурсными* и не имеют никакого отношения к *качеству* образовательных услуг. Более того, многие индикаторы диагностируют ситуацию с точностью до наоборот [5]. Помимо этих недостатков, экспертами отмечались дополнительные изъяны методики МОН РФ. Так, она обеспечивала заведомое преимущество некоторых типов вузов перед другими. Например, у сельскохозяйственных вузов площадь лабораторий выше среднего за счет оранжерей и теплиц [38]. Очередным курьезом можно считать отмеченную аналитиками закономерность: если вузы начнут развиваться в направлении, заданном рейтингом МОН РФ, то они будут все дальше от попадания в международные турнирные таблицы. Сюда же следует добавить, что многие показатели эффективности МОН РФ являются производными от характеристик города или региона; например, возможность взимать плату со студентов или привлекать средства на НИОКР зависят от богатства региона. И, наконец, вызывает нарекания сама схема отбора вузов. Расчеты показывают, что отдельные университеты, которые имели средние по шкалам, превышающие средние 2/3 российских вузов, тем не менее попали в 26% неэффективных, а некоторые «эффективные» были хуже 95% всей популяции [42]. Однако все критические положения были проигнорированы регулятором; лишь в некоторых случаях были сделаны послабления. Например, у региональных филиалов вузов не будет учитываться показатель доли иностранных студентов.

Результаты мониторинга вузов летом 2014 г. оказались откровенно абсурдными. Так, согласно Протоколу МОН РФ № ДЛ-25/05пр от 03.06.2014 из обследованных 968 вузов и 1356 их филиалов было зафиксировано 58 вузов и филиалов, которые не предоставили информацию о своей деятельности и которые могут смело считаться неэффективными, и 1006 вузов и филиалов, которые выполнили менее 4 контрольных показателей и попали в группу неэффективных (Протокол МОН РФ..., 2014). Таким образом, простейший расчет показывает, что коэффициент эффективности российской системы высшего образования (под коэффициентом эффективности в данном случае понимается процентное отношение числа эффективных вузов и филиалов ко всем обследованным вузам и филиалам страны) составляет 54,2%, что является нонсенсом, ибо означает, что почти половина всех вузов страны являются неэффективными. Следовательно, почти половина всех вузов и филиалов России должна быть ликвидирована. Между тем возможны и другие выводы, а именно: министерская методика оценки эффективности вузов является некорректной и требует замены. Однако этот ход рассуждений макрорегулятором категорически отвергается, что свидетельствует о его предвзятости и ангажированности. Более того, настораживает явная корреляция между необходимым 2-кратным сокращением бюджетных мест, о котором говорил Д.В.Ливанов перед вступлением в должность министра, и половиной неэффективных вузов по результатам федерального мониторинга. Складывается впечатление, что макрорегулятор использует свою методику для оправдания выбранного им политического курса на масштабное сокращение университетского сектора. Иными словами, методика МОН РФ провоцирует вузовский сектор к коллапсу.

Выдвинутый тезис подтверждается и тем обстоятельством, что пороговые значения контрольных индикаторов МОН РФ, которые сами по себе были не адекватны, с течением времени еще и повышались, тем самым усложняя вузам успешное прохождение мониторинга [18]. В табл. 3 приведена динамика основных пяти целевых индикаторов, откуда хорошо видна деструктивная политика правительства. Например, вызывает недоумение такой факт, как установление двух показателей для вузов Санкт-Петербурга выше, чем для вузов Москвы. И совершенно не ясно, зачем были повышены все финансовые показатели в период времени, который ознаменовался развитием бюджетного кризиса в стране, а все макроэкономические прогнозы говорили о грядущей депрессии или даже рецессии российской экономики. В таких условиях финансовая эффективность вузов никак не могла повышаться. Тем самым регулятор фактически добивал подотчетные ему образовательные организации.

Таблица 3

Динамика пороговых значений целевых индикаторов МОН РФ

Показатель	Россия		Москва		Санкт-Петербург	
	11.2012	05.2014	11.2012	05.2014	11.2012	05.2014
Средний балл ЕГЭ, баллы	60,0	60,0	63,0	64,5	63,0	66,4
Объем НИОКР на одного НПР, тыс.руб./чел.	50,0	51,3	95,0	136,4	75,0	122,4
Доля иностранных студентов, %	0,7	1,0	3,0	4,0	3,0	4,9
Доходы вуза на одного НПР, тыс.руб./чел.	1,1	1,3	1,5	2,1	1,5	1,8
Площадь зданий вуза на одного студента, кв.м/чел.	11,0	13,9	13,0	14,1	13,0	13,1

Источник: Информационно-аналитические материалы..., 2014.

Таблица 4

Прирост пороговых значений целевых индикаторов за период 11.2012–05.2014, %

Показатель	Россия	Москва	Санкт-Петербург
Средний балл ЕГЭ, баллы	0,0	2,3	5,4
Объем НИОКР на одного НПР, тыс.руб./чел.	2,6	43,6	63,2
Доля иностранных студентов, %	42,9	33,3	63,3
Доходы вуза на одного НПР, тыс.руб./чел.	18,2	40,0	20,0
Площадь зданий вуза на одного студента, кв.м/чел.	26,4	8,5	0,8
Среднее значение	18,0	25,5	30,5

Рассчитано автором на основе: Информационно-аналитические материалы..., 2014.

Интересно, что стабильным остался только один индикатор для региональных вузов; для столичных университетов повысились все показатели. Однако настораживает сам масштаб корректировок пороговых значений индикаторов, который представлен в табл. 4. Среднее повышение индикаторов по всей выборке составило 24,7%, что нарушает все постулаты теории реформ [26]. Столь резкие скачки управляющих параметров всего за полтора года просто недопустимы. Что же касается роста почти на 2/3 двух целевых показателей для вузов Санкт-Петербурга, то этот факт вообще находится за рамками какой-либо критики. В целом же, как оказывается, меры регулятора носили откровенно *шоковый* характер,

не давая вузам времени на элементарную *адаптацию* к принятой системе оценки.

ПАРАМЕТР ЗАРПЛАТЫ В «ДОРОЖНОЙ КАРТЕ» ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ

Еще один контрольный индикатор был закреплён в распоряжении Правительства РФ № 2620-р от 30.12.2012, в котором была зафиксирована «дорожная карта», предусматривающая беспрецедентный норматив – в 2018 г. отношение средней заработной платы ППС образовательных организаций высшего образования к средней заработной плате в соответствующем регионе должно составлять 200% [34]. Данная мера заслуживает отдельного рассмотрения. С одной стороны, она должна была исправить бедственное материальное положение российской профессуры, с другой стороны, поддержка ППС вузов в такой форме несёт в себе огромный разрушительный заряд. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Во-первых, 2-кратное превышение зарплаток ППС средней зарплаты по региону с макроэкономической точки зрения является немыслимым. Дело в том, что, как нами уже упоминалось выше, кратные разрывы в макропропорциях, как правило, разрушительны для экономики. Планируемая пропорция в зарплатах, скорее всего, просто-напросто не будет выполнена в силу ее нереалистичности. Проиллюстрируем сказанное на примере Москвы. Если бы в 2014 г. столичный ППС вышел на зарплату в 200% от средней по региону (около 60 тыс. руб.), то это составило бы среднемесячный оклад примерно в 120 тыс. руб. При этом профессор должен был бы получать еще больше – порядка 150–160 тыс. руб. И такой заработок должен стать нормой для всех московских вузов! Совершенно очевидно, что никакой представитель ППС просто не в состоянии «отработать» подобную зарплату.

Во-вторых, начальные условия предполагают чрезмерную скорость предполагаемых изменений в пропорциях оплаты труда. Так, на начало 2013 г. во многих московских вузах зарплата ППС составляла примерно 50% от среднего заработка по региону, тогда как в 2018 г. она уже должна выйти на уровень в 200%. Это означает, что меньше чем за 6 лет пропорция должна измениться в 4 раза, что является запредельным требованием. Разумеется, такое ралли можно осуществить лишь под чудовищным административным нажимом, однако последствия этого будут однозначно плачевными.

В-третьих, сам по себе рассматриваемый норматив совершенно не достаточен для эффективного регулирования оплаты труда в вузе. Эксперты неоднократно указывали на то, что заработки ППС надо считать определенным образом, т.е. учитывая номинальный оклад, а не все выплаты,

которые могут быть достигнуты посредством повышенной нагрузки на преподавателя по разным направлениям деятельности [6]. Кроме того, фиксировать следует не только и не столько средний оклад ППС, сколько его минимальный размер, а также пропорции в затратах на оплату труда ППС и вспомогательного персонала вуза [4].

В-четвертых, резкое увеличение зарплаты ППС при сложившейся примитивной системе университетского управления ведет к автоматическим «репрессиям» в отношении преподавателей. Руководство вуза переходит к жесткой политике «отбивания денег», выплачиваемых ППС, и возлагает на преподавателей такую нагрузку и столько разных обязательств, что это, как правило, оказывается не только за пределами разумного, но и за пределами физических возможностей сотрудников. Перегрузка преподавателей позволяет сократить их численность. На практике это выливается в своеобразные кадровые репрессии, когда администрация действует по принципу: за такие деньги вы должны делать все, а кто не хочет или не может, тот уходит. Иными словами, введение зарплатного норматива служит спусковым крючком для кадрового коллапса отрасли. При этом оставшиеся сотрудники, подвергаясь жесткой эксплуатации, попадают в условия своеобразного университетского рабства.

На наш взгляд, совмещение методики мониторинга вузов с нормативом зарплаты для ППС выступили непосредственными инструментами обрушения отрасли. Фактически регулятор после длительного периода дерегулирования внезапно перешел к предельно жесткой и примитивной форме управления в виде административного давления нормативами сверху под страхом закрытия организации. Уже сейчас ясно, что начавшийся коллапс отрасли будет чрезвычайно болезненным. Дело в том, что выброс на рынок труда огромной массы преподавателей, которые в большинстве своем не обладают практическими навыками работы в реальном секторе экономики, означает их последующую хроническую безработицу и люмпенизацию. Последствия такого процесса остаются под вопросом.

К сказанному можно добавить, что в 2014 г. идеологическая установка макрорегулятора на сокращение СВО выплеснулась в открытой форме. Росособназор вместо безоглядной раздачи аккредитаций с лицензиями, присущей периоду дерегулирования, стал закрывать набор студентов в вузы, не имеющие условий для нормального обучения. Окончательно в общий список вузов, к которым была применена данная мера, вошли 17 образовательных организаций. В их число попал Институт практического востоковедения, который зарекомендовал себя с самых лучших позиций. Скандальный случай приобрел огласку и стал примером неэффективных санкций государства [23]. Тем самым макрорегулятор начал допускать фатальные ошибки.

Для иллюстрации масштаба и особенностей начавшегося коллапса сферы высшего образования приведем несколько примеров.

Первый случай – оптимизация Государственного университета управления (ГУУ). Назначенный в 2013 г. исполняющим обязанности ректора ГУУ В.В. Годин активно включился в гонку по обеспечению «хороших» показателей эффективности вуза. Проведенная чистка ППС привела к тому, что уже осенью 2013 г. его численность уменьшилась с 1050 до 781 чел. Однако это был первый этап оптимизации, за ним весной 2014 г. последовал второй этап, который подразумевал уже массовые увольнения людей. Однако сделать это без возникновения правовых коллизий было довольно сложно. Одна из первых акций ректората состояла в тотальной реструктуризации вуза. Для проведения таковой нужно было сначала уволить всех сотрудников, а потом снова нанять гораздо меньшее их число. В результате уведомление о сокращении получили более 900 чел., а конкурс на появившиеся в связи с этим места был объявлен на 370 чел. Если учесть, что среди сокращенных и вакантных рабочих мест имелись должности вспомогательного персонала, то численность вновь нанятых ППС составляла примерно 300 чел. Тем самым администрация вуза планировала единоразовое сокращение ППС в 2,6 раза; в течение одного года численность ППС должна была уменьшиться в 3,5 раза. Если же взять в качестве точки отсчета 2004 г., когда численность ППС ГУУ составляла 1235 чел., то сокращение за 10 лет превышало отметку в 4,1 раза. Даже с самых либеральных позиций 4-кратное сокращение персонала организации является аномальным и должно трактоваться как откровенный коллапс.

Впоследствии руководство ГУУ отказалось от массовой реструктуризации, но не отказалось от масштаба намеченных сокращений. Оно пошло по пути наименьшего сопротивления и стало проводить в жизнь самую примитивную и нелепую политику – сокращать, прежде всего, тех сотрудников, у которых к означенному моменту истек срок действия трудового соглашения. Это не влекло никаких правовых осложнений для университета, однако среди увольняемых оказались самые продуктивные и работоспособные сотрудники. Для многих кафедр потеря таких преподавателей была катастрофой, однако ректорат этот аспект проблемы не беспокоил. Параллельно произошло слияние кафедр, многие из которых ликвидировались опять-таки по принципу размера кафедры, т.е. небольшие кафедры с численностью менее 10 чел. подлежали автоматическому закрытию. Такая политика привела к тому, что сотрудники увольнялись без учета их личных заслуг и профессиональных достижений. Тем самым помимо *количественного коллапса* университет обеспечил сам себе еще и *качественную деградацию* ППС.

Следует отметить, что рост зарплаток ППС вызывает ускоренное сокращение численности ППС. Для грубой оценки этого эффекта воспользуемся скорректированным коэффициентом эластичности занятости по зарплате: $E = (L_{2013}/L_{2018}) / (W_{2018}/W_{2013})$, где L – численность ППС, W – относительная зарплата ППС (к средней по региону). Расчет показывает, что даже если в ГУУ останется 370 чел. ППС и больше сокращений не будет, то $E = 2,11/1,82 = 1,16$ ($E > 1$), т.е. рост зарплаты на 1% ведет к сокращению ППС на 1,16%. Если рассмотреть период 2013–2014 гг., то получим $E = 1,87$, т.е. имеет место почти двойное ускорение высвобождаемого ППС относительно роста зарплаты. Следовательно, последствия роста зарплаток ППС, намеченные «дорожной картой» Правительства РФ, ведут к непропорционально большому сокращению штатов российских университетов.

Заметим, что рассмотренный эффект характерен не только для ГУУ; в других вузах наблюдалось нечто похожее, но с некоторыми модификациями. Например, в Российском государственном социальном университете (РГСУ) ежегодно производилось сокращение персонала на 15%, что сильно опережало рост зарплаток ППС.

Второй случай – перерождение профессоров в учителей. Рассмотренное в предыдущем примере ускоренное сокращение штатов сопровождается ускоренным ростом аудиторной нагрузки преподавателей. Так, в ГУУ рост таковой осенью 2014 г. по сравнению с весной 2014 г. составляет 2,5 раза (рост с 220 до 550 часов в год), тогда как рост зарплаты не может превысить 2 раз. При этом в нагрузку включаются только часы по бакалавриату, которые считаются основными; все часы, читаемые на заочном отделении, магистратуре и прочих формах обучения, не учитываются и представляют собой дополнительную нагрузку, оплачиваемую дополнительно; не включаются также в основную нагрузку и такие формы занятости преподавателей, как экзамен, руководство дипломными проектами и т.п. Однако с учетом дополнительных часов итоговая нагрузка возрастает еще как минимум на 20–30%. Тем самым рост общей нагрузки ППС увеличивается примерно в 3,1 раза. Подчеркнем, что это единоразовое увеличение, тогда как можно предположить, что в дальнейшем оно в той или иной мере будет повторяться.

Надо сказать, что указанная нагрузка эквивалента 18–20-часовой недельной нагрузке. Это означает, что преподаватель должен 3–4 дня работать по 2–3 пары. Такой режим уже больше похож на режим работы школьного учителя, а не профессора университета. Пример ГУУ не является запредельным. Для примера – в 2014 г. в Российском государственном университете физкультуры, спорта, молодежи и туризма (РГУФСМП) полставки доцента предполагали 12 часов в неделю, т.е. полная ставка составляла 24 часа в неделю. Однако прямолинейный рост часовой на-

грузки сопряжен с еще одним эффектом – увеличением числа читаемых дисциплин. Нормальным считается чтение 2–3 дисциплин, однако кратное возрастание этого числа уже становится запредельным. Чтение 5–6 предметов уже чревато полной потерей качества преподавания. Между тем сегодня есть кафедры, где сотрудники вынуждены читать еще большее число курсов. Так, в РГСУ на одной из кафедр полная ставка профессора предполагает чтение 9–10 разных дисциплин. Даже если под эти дисциплины отведено немного часов, это все равно представляет собой большую проблему для лектора и чрезмерную нагрузку на его память. Тем самым и здесь просматривается нелинейный эффект от регулирующего воздействия.

Третий случай – необъявленная помощь регулятора уволенным сотрудникам. По всей видимости, статистические данные об истинных масштабах коллапса сферы высшего образования будут доступны только через несколько лет. Однако уже сегодня есть недвусмысленные указания на серьезность ситуации. Так, летом 2014 г. МОН РФ организовало «горячую линию» по вопросам трудоустройства высвобождаемых научно-педагогических работников образовательных организаций высшего образования. Консультанты ведомства отвечали на вопросы обращающихся во все рабочие дни с 9:00 до 16:00 по телефону, указанному на сайте МОН РФ [24]. При этом данная акция была настолько тихо проведена, что ее заметили только специалисты и заинтересованные лица. При этом настораживает отсутствие какой-либо информации о работе «горячей линии». Это молчание особенно контрастирует по сравнению с другой аналогичной акцией МОН РФ – «Горячей линией помощи студентам», которая посвящена вопросам интеграции системы высшего образования Крыма и Севастополя в российскую среду. В отношении этой линии есть сведения и об общем числе звонков, и о динамике средней ежедневной загруженности линии, и об основных задаваемых вопросах, и т.п. Данные факты свидетельствуют о колоссальном масштабе увольнения ППС по всей стране. Однако регулятор, не имея возможности не реагировать на возникшую ситуацию, всячески старался замалчивать ее.

Сказанное выше подводит к выводу, что макрорегулятор в ходе реформы системы высшего образования допустил грубую ошибку, не учтя факторы нелинейности и асимметричности, которым большое внимание уделено в работе [39]. Выбрав политику активных действий, МОН РФ стало допускать ошибки. Установив же чрезмерно высокие показатели и продолжая их повышать, оно загнало систему в зону повышенных рисков, где цена ошибка начинает стремительно возрастать. В результате начавшееся еще в 2008 г. сдувание ОП ускорилося и в 2014 г. приняло характер стихийного бедствия.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕФОРМ

Анализ действий регулятора позволяет говорить о феномене *аритмии реформ*. Если на первом этапе, вплоть до 2008 г., наблюдалось своеобразное безразличие регулятора к происходящим процессам, что позволило надуться ОП, то на втором этапе регулятор стал проявлять излишнюю активность, которая породила хаос в университетской среде. Тем самым на начальном этапе имела место классическая *ошибка отложенных реформ*; причина задержки состояла, по всей видимости, в отсутствии группы давления, заинтересованной в построении качественного высшего образования [14].

Некоторые эксперты объясняют такой странный цикл активности реформаторов спецификой исполнительной власти страны. Так, для политики МОН РФ как главного макрорегулятора сферы высшего образования характерно полное отсутствие инициативы; многие эксперты полагают, что из министерства не исходит ни одной идеи. Эта пассивность и лежала в основе вялого вмешательства на первом этапе реформ. Когда же ситуация зашла в тупик и это стало очевидно, то жесткие инициативы стали генерироваться мегарегулятором – Аппаратом Правительства РФ и Администрацией Президента РФ. Эти структуры власти, наоборот, отличаются авторитарностью, требовательностью и последовательностью в реализации выбранной стратегии. Именно ими и была спровоцирована регулятивная активность второго периода реформ.

Если же проводить более полный анализ реформ, то можно видеть принципиальные ошибки буквально по всем пунктам. Так, было неправильно выбрано *начало реформ* и активных действий регулятора, в результате чего было допущено надувание ОП. Было сделано множество ошибок при выборе *направления реформы*. В частности, делались усилия по расширению предложения образования, но при этом полностью игнорировалась проблема его рационализации. И, конечно, были допущены грубые ошибки в выборе *скорости реформ*. Результатом этого стала колоссальная волатильность регулирующих параметров в 2012–2014 гг. и коллапс отрасли.

Надо сказать, что поразительная жесткость и бескомпромиссность макрорегулятора в отношении закрытия и санации неэффективных вузов подкреплялась и внутренними процессами МОН РФ. Например, сотрудники министерства отмечают такой факт, что за период времени 2012–2013 гг. численность Международного департамента МОН РФ сократилась в 2 раза. Если подразделения макрорегулятора подвержены такому коллапсу, то похожие процессы в вузах уже не могут вызывать удивления. Можно сказать, что требованием к сокращениям оказались пропитаны все представители макрорегулятора. Любопытно и другое – реформирование рос-

сийской системы вузов в определенной степени отдано на аутсорсинг. Например, многие идеологические положения вносятся в Правительство РФ и МОН РФ ректорами вузов, в частности ректором Высшей школы экономики (ВШЭ); после одобрения и принятия принципиальных положений они отдаются на доработку той же ВШЭ на конкурсной основе. Таким образом, один из парадоксов реформы СВО состоит в том, что отчасти эти реформы являются творением рук самих вузов.

К настоящему времени назрела потребность радикального пересмотра программы реформ в сфере высшего образования. Теоретические основы для такой работы есть. Вопрос состоит лишь в степени гибкости нынешнего мегарегулятора, который должен быть в состоянии отказаться от старой доктрины.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №14-02-00234а).

ЛИТЕРАТУРА

1. Балацкий Е.В. «Диссертационная ловушка» // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 2.
2. Балацкий Е.В. Проблема рационирования высшего образования // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2010. – № 8.
3. Балацкий Е.В. Истощение академической ренты // Мир России. – 2014. – № 3.
4. Балацкий Е.В. Эффективность управления российскими университетами: коллизии и эксцессы // Общество и экономика. – 2014. – № 5.
5. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Академическая результативность высших экономических школ России // Terra Economicus. – 2014. – Т. 12, № 1.
6. Балашов М.В. Физтех, топ-100 и карго-культ // Троицкий вариант. – 2014. – №12(156).
7. Бляхер Л.Е., Бляхер М.Л. Мифология управления. Политика министерства vs. политика вузов: динамика противостояния // Российская политика. – 2014. – № 1(72).
8. Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
9. Варшавский А.Е. Проблемы науки: РАН и вузы // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2010. – № 8.
10. Варшавский А.Е. Проблемы науки и ее результативность // Вопросы экономики. – 2011. – № 1.
11. Горшков М.К., Ключарев Г.А. Непрерывное образование в контексте модернизации. – М.: Институт социологии РАН, ФГНУ ЦСИ, 2011.

12. *Гуриев С., Ливанов Д., Северинов К.* Шесть мифов Академии наук // Эксперт. – 2009. – № 48(685).

13. *Гусев А.Б.* Университетская наука в России: перенос западной модели и риски перспективного развития // Капитал страны. – 2013. – 22 нояб.

14. *Дрэйзен А.* Почему откладываются реформы (теоретический анализ) // Экономика и математические методы. – 1995. – Т. 31, № 3.

15. *Иванов В.В., Варшавский А.Е., Маркусова В.А.* Библиометрические показатели российской науки и РАН (1997–2007) // Вестник РАН. – 2009. – № 6.

16. *Игнатов И.И.* Университетский сектор США и российские реформы в сфере науки и высшего образования // Капитал страны. – 2012. – 29 нояб.

17. *Игнатов И.И.* Можно ли «оздоровить» российскую вузовскую систему? // Капитал страны. – 2013. – 27 нояб.

18. *Информационно-аналитические материалы по результатам анализа показателей эффективности образовательных организаций высшего образования* // Сайт Министерства образования и науки РФ, 2014.

19. *Кларк Б.Р.* Поддержание изменений в университетах. Преимущество кейс-стади и концепций. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

20. *Кларк Б.Р.* Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

21. *Клячко Т.Л.* Высшее образование в России: доступность, стоимость, мотивация // Экономика образования. – 2007. – № 4.

22. *Кузьминов Я.* За десять лет мы обязаны сформировать новый корпус преподавателей // РБК daily. – 2010. – 04 авг.

23. *Лемуткина М.* Институту не разрешили набирать студентов // МК.RU. – 2014. – 25 июля.

24. *Минобрнауки* России открывает «горячую линию» по вопросам трудоустройства высвобождаемых научно-педагогических работников вузов // Сайт Министерства образования и науки РФ, 06.06.2014.

25. *Мониторинг деятельности федеральных образовательных учреждений высшего профессионального образования.* – М.: Министерство образования и науки РФ, 2012.

26. *Полтерович В.М.* Элементы теории реформ. – М.: Экономика, 2007.

27. *Полтерович В.М.* Реформа РАН: экспертный анализ. Статья 1. Реформа РАН: проект Минобрнауки // Общественные науки и современность. – 2014. – №1.

28. *Полтерович В.М., Фридман А.А.* Экономическая наука и экономическое образование в России: проблема интеграции // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 2.

29. *Постановление* Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 г. № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства» // Российская газета. – 2010. – № 5160.

30. *Постановление* Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 г. № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» // Российская газета. – 2010. – № 5160.

31. *Постановление* Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 г. № 220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования» // Российская газета. – 2010. – № 5160.

32. *Протокол* МОН РФ № ДЛ-25/05пр от 03.06.2014 заседания межведомственной комиссии по проведению мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования // Сайт Министерства образования и науки РФ, 11.06.2014.

33. *Радтке У., Бруне-Вавер С.* Дифференциация вузовского ландшафта в Германии после введения «Инициативы по выделению элитных вузов»: итоги и перспективы. Университетский альянс Бохум – Дортмунд – Дуйсбург-Эссен, 2013.

34. *Распоряжение* Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 2620-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки» // Гарант. 11.01.2013.

35. *Романова В.В., Мацкевич А.В.* Показатели бюджетных расходов в сфере образования. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

36. *Сивак Е.В., Юдкевич М.М.* Академическая профессия в сравнительной перспективе: 1992–2012 // Форсайт. – 2013. – Т.7, №3.

37. *Сонин А.К., Хованская И.А., Юдкевич М.М.* Построение исследовательского университета: структура финансирования и условия найма профессоров // Экономика образования. – 2009. – № 3, ч. 1.

38. *Соколов М.* Физиология рейтинга // Полит.ру. – 2013. – 25 мая.

39. *Тaleb Н.Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. – М.: Ко-Либри, Азбука-Аттикус, 2014.

40. *Указ* Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // Российская газета. – 2012. – № 5775.

41. *Федеральный закон Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* // Российская газета. – 2013. – № 6194.

42. *Что измерил рейтинг Минобрнауки? Статистический анализ* // Полит.ру. – 2013. – 24 мая.

43. *Яшина Г.А.* С высшим образованием пора завязывать // Капитал страны. – 2012. – 28 июня.

44. *Barber M., Donnelly K., Rizvi S.* An avalanche is coming. Higher education and the revolution ahead. – L.: The Institute for Public Policy Research. March, 2013.

45. *Barnes N., O'Hara S.* Managing Academics on Short-Term Contracts // Higher Education Quarterly. – 1999. – Vol. 53, № 3.

46. *Schuster J., Finkelstein M.* The American Faculty. Baltimore, MD: John Hopkins University Press, 2006.